

Предисловие

«Человек создан для счастья» — эта мысль принадлежит Мишелю Монтеню. И задача человека — выполнять свой долг, стараясь по возможности быть счастливым. Это простая мысль, но как трудна дорога к счастью! Как трудно примириться с жизнью, преодолеть препятствия, познать себя, научиться терпеть, найти свою любовь и свое предназначение! Книга эссе этому учит, ничего не навязывая, ни к чему не принуждая.

Сейчас много книг с заманчивыми названиями. Они обещают научить, дать секретный код счастья, богатства, власти! Но счастливых людей больше не становится. Почему-то готовые рецепты не помогают. Может быть, потому, что нет нужных ингредиентов? Нужно купить еще одно пособие, которое научит жить правильно? Может быть. А может быть, нужно просто читать то, что радует и печалит, удивляет и расширяет кругозор, веселит сердце или заставляет заплакать, погрузить и снова ощутить прилив сил? Как и сама жизнь. Поэтому я и написала книгу эссе — коротких и ясных рассказов из жизни, из практики философа и психолога, из истории науки, из личных наблюдений и личного опыта. Они простые — и не простые. Радостные и печальные. Поучительные и загадочные... Разнообразные, как сама жизнь. Ведь только жизнь и учит. Только в настоящей жизни мы можем научиться чувствовать и понимать. Любить и бороться... Что делать, как поступать, почему я чувствую то или это, как вы-

браться из опасной ситуации, как вытерпеть трудности и преодолеть тяжелый период? Как поступали другие люди, когда боролись за свое счастье? Как находили неожиданно-негаданно истинную любовь и спасение? Как жить? — вот о чем эта книга, которую можно открыть на любой странице — и она даст ответ на вопрос, который вас мучает. Вот такая получилась простая и таинственная книга. Как сама жизнь. А о жизни лучше всего сказала служанка Розали в романе Мопассана «Жизнь»: «Жизнь не так уж хороша, что бы ни говорили; но и не так плоха, как о ней думают». Жизнь — это просто жизнь. Она и учит, и лечит, и дает силы. Как, надеюсь, и эта книга простых жизненных рассказов и наблюдений. Философия и психология познаются только через практику — через жизнь...

Аносов

Знаете, сколько слов любви

вы не слышали? Очень много. От любимого мужчины, от своего ребенка или родителя. А все потому, что мы постоянно говорим и не делаем паузу, чтобы услышать. Особенно — мужчину. Он только соберется с духом, только подойдет поближе, только вдох сделает, чтобы сказать, а его спрашивают: «Ты за газ заплатил?» Где машину поставил? Куда мы поедem в субботу? Машину заправил? Ящики для рассады купил? «Уроки сделал?» — это маленькому мужчине говорят, конечно. А большому еще говорят: «Где деньги?» А если это возлюбленный, говорят про другое, но говорят и говорят... Так одна девушка на вокзале все говорила и говорила. Важные вещи, наверное. А потом молодой человек помахал рукой на прощанье, и поезд поехал. А девушка расплакалась — он ничего не сказал! И непонятно, любит или нет... И молодой человек догадливый был, он прислал эсэмэску; простую такую: «я тебя люблю». Не все догадливые. Не всегда можно сообщение прислать. И настроение меняется, уже не так просто сказать о любви. Да и надо ли? Есть другие важные вопросы. Надо сказать, надо! И послушать надо. Сделать паузу и помолчать; в глаза посмотреть, прикоснуться к руке... Сколько моментов упущено, сколько важных слов не сказано — не услышано; слова любви важнее уроков, денег, рассады, машины, важнее всего! Дайте их произнести и послушайте; и не думайте, что вас мало любят...

*Если замужняя женщина
хорошо выглядит,*

несмотря на возраст, — надо подойти и пожать руку ее мужу. И в глаза ему посмотреть со значением. Это его заслуга. Он не мучил свою жену гадкими выходками. Не сваливал на нее черную работу. Не обзывал ее, не критиковал, не орал грубым голосом. Он ее обнимал, целовал и любил. И говорил хвалы и комплименты. И защищал от опасностей. И утешал в тревоге. И благодаря хорошему обращению он получил красавицу. В возрасте за сорок это так ясно! Жена у доброго мужа красивая, элегантная, спокойная. Сидит себе и улыбается. Или что-то по дому делает. Или просто гуляет под ручку с мужем вечером, а все другие мужья завидуют. И думают: а почему моя жена не такая? Ах, так понятно почему — женщину надо беречь и лелеять, как боевого коня. Как дорогую машину. И просто — как человека. И рядом с каждой замужней немолодой красавицей есть тот, кому надо руку пожать, — ее муж. И конечно, бывают одинокие красивые дамы. И бывают, наверное, жены, которые сохранили красоту и достоинство в несчастном браке, но вот таких жен я не встречала. Беречь надо свою жену смолоду — и потом она непременно останется красавицей и умницей. И все будут говорить, дескать, повезло человеку с женой! Может, и повезло. Но скорее это заслуга мудрого и доброго мужа. Внешность женщины и характер очень сильно зависят от обращения с ней. И от добрых слов мы светимся и молодеем.

От объятий стройнеем. От поцелуев становимся красивее и добрее... И по взрослой жене всегда видно, какой у нее муж — хороший или не очень. И мужчинам выбирать, кого они хотят рядом с собой видеть: красавицу или чудовище. Нам, женщинам, надо просто немного тепла и ласки. Добрых слов и поддержки. А остальное мы как-то прощаем — за любовь многое можно простить...

Раз в месяц прабабушка расцветала

и благоухала: духами «Красная Москва». Волосы красила хной и басмой, накручивала на бигуди, а потом на газу нагревала старинные щипцы для завивки. Их температуру надо было проверять на листе бумаги: бумага должна была становиться волнистой, но не подгорать, не желтеть. Плойкой делались волны красивые. Лицо надо было намазать кремом «ЖМ», а потом пройти пуховкой с пудрой «Кармен» из круглой коробочки с нарисованной знойной цыганкой. Еще помада, тушь, которую надо было слюнуть, карандаш для бровей. И немного помады на лист бумаги надо, а потом щеки порумянить — это были румяна как бы. И из старинного шкафа прабабушка доставала комбинацию, пояс, чулки, платье с горжеткой из горносталя, лаковые туфли на каблуках... Кружевной берет надо было к волосам кокетливо прикрепить шпильками. И еще ажурные перчатки. Потом уже духи, конечно, — это последний штрих. Одевание начиналось рано утром, очень рано. А потом прабабушка Мириам брала ридикюль и шла на собрание. Оно раз в месяц было, какое-то профсоюзное собрание. И там был мужчина по фамилии Вахонин. Тоже старый; прабабушке ведь уже лет семьдесят было, а мне — пять. И вот все это делалось ради Вахонина. Я его так никогда и не увидела; таинственный персонаж! Я знаю, что он был исключительный. Вот и все, что мне известно. И вся многочасовая подготовка была ради него. И очень красивая прабабушка уходила, со-

всем молодая. И в большой профессорской квартире пахло духами, пудрой и плойкой. Любовью пахло. Вот так женщина готовится к собранию, если там есть исключительный мужчина. И мужчина так готовится. Даже если ему восемьдесят лет, как исключительному Вахонину. И на его похороны прабабушка собиралась так же долго и тщательно; только надела черную шляпку. И больше никогда не пользовалась ни пудрой, ни тушью, ни помадой. А пузырек с духами мне подарила. И это был запах любви. Я его до сих пор помню...

«Любимых убивают все,

но не кричат о том. Издевкой, лестью, злом, добром, бесстыдством и стыдом»... Уайльд написал. Может, не надо любимых убивать разными способами? Шутить над ними, орать на них, критиковать, стыдить, раздражаться по мелочам? Это потихонечку убивает; исподволь, незаметно. Может, недаром мы чувствуем себя виноватыми, когда от любимого человека остался костюм в шкафу или платье. Очки — они там не нужны, там все хорошо видят. Всякие мелочи, пустяки, которые надрывают сердце... И вспоминаешь каждое слово, сказанное не так. Или не сказанное вовремя. Любимых немного. Может быть, не всегда они себя ведут как нам хочется. Но убивать их за это не надо. Новых не будет; потому что, как мой папа говорил, мы тоже не новые. Мы к своим притерлись, ужились с ними, душой сроднились. Наши любимые — наша часть. Вот и надо беречь как зеницу ока или другой важный орган, который можно, наверное, пересадить или заменить протезом, но лучше пусть свой будет. Мое сердце, моя зеница ока, моя душа — мы их так и зовем, любимых. А убивать надо врагов на войне; и то лучше в плен взять, если сдаются. Убивая любимых мелочной критикой, виной и требованиями, мы себя убиваем в итоге. Лучше пожить еще, порадоваться, дотронуться до теплого плеча родного человека. Чужих так трудно искренне обнимать...

Если человеку не нравится наша внешность —

он нас не любит. Даже если говорит обратное. Дескать, я люблю тебя, но у тебя такие кривые ноги. Надо операцию сделать. Или «я люблю тебя, но ты страшненький и глаза косые. Один на нас, другой в Арзамас! Надо исправить!». Или про вес говорят, про короткую шею, про форму носа... Надо исправить! Не надо. То есть, если вы сами хотите — дело ваше. Для себя, для гармонии и красоты можно и исправить. Но для другого, ради его любви — смысла нет. Нет ни любви, ни принятия. И человек найдет другие недостатки потом. Или уйдет к горбатому карлику или самой толстой женщине в мире, если их полюбит. И карлик будет ему казаться совершенством... Если критикуют внешность и предлагают внести улучшения, любви нет. Истинной любви нет. Даже если сам критик полагает ошибочно, что есть любовь, — это не так. И можно захиреть и увянуть рядом с тем, кому мы не нравимся. Даже если прав человек! Даже если добра желает! Он так и будет нас больно ранить, а потом уйдет. И лучше вообще не затрагивать внешность человека, даже чужого, если вы не пластический хирург или не тренер, скажем. Даже если виду не подаст человек — раны глубокие можно нанести. Когда любят — принимают целиком. И о внешности беспокоятся из-за здоровья только. Но не критикуют жестоко и не предлагают что-то отрезать или пришить...

Самый ужасный вид ревности —

ревность к прошлому, так Куприн написал. И не надо лишнее рассказывать любимому человеку, даже если все было давным-давно. Пастернак погрузился в тяжелую депрессию, которая отняла у него несколько лет жизни. Ему жена рассказала, смеясь, что в юности вот в этой гостинице она встречалась с молодым офицером тайно. Был у нее роман с кузенком! Это было так давно! И поэт заболел клинической депрессией. А с женой потом расстался, не смог с ней жить. Хотя это так давно было! Уже пора забыть! Но раз рассказала — значит, не забыла, поэт это душой почувствовал. И навсегда утратил доверие, без которого нет любви настоящей... И все вспоминал эту историю, все мучился, все переживал. Или вот одна женщина тридцать лет с мужем прожила душа в душу. Очень счастливо. А потом они поехали к нему в деревню, откуда он родом был. И пожилая нетрезвая, извините, баба сказала, что этот муж ее любил. Был от нее без ума! И от нее в армию ушел, клялся в чувствах и плакал от любви. А она потом вышла замуж за другого, но, если захочет, этот Юра немедленно к ней вернется! Стоит только поманить! Глупая болтовня пьяной завистливой бабы. Но это так поразило жену, что счастье ушло из дому. Она перестала верить мужу, стала припоминать какие-то мелкие события, маленькие обманы, поздние возвращения... И ревность пожрала счастье, через некоторое время жизнь стала невыносимой, и супруги развелись. Хотя сам муж клялся, что любит

только жену. Но невозможной стала жизнь, отравленной. И это так странно — все ведь давно было! Уже травой поросло! Но, действительно, ревность к прошлому может все разрушить и сломать. И не надо слишком откровенничать даже с самым любимым человеком. И возвращаться туда, где могут напомнить о прошлом, нанести рану, публично обсудить былые увлечения. Это опасно. И исправить ничего нельзя иногда; как нельзя исправить прошлое. Но о нем можно не вспоминать. И иногда — лучше не вспоминать!

Одну женщину мать проклала.

В порыве гнева, в истерике, в ссоре. Всякого плохого нажелала. И пригрозила: мол, ты каяться будешь и будет тебе потом плохо! Бывает такое в гневе, к сожалению. И дочь ушла из дому и перестала мать навещать. И отвечать на телефон не стала — да мать и не звонила, понимала в душе, что далеко зашла... И дочь очень переживала и мне рассказала эту историю. И еще она боялась материнского проклятия — это очень тяжело, очень. А потом сделала вот что, как я и посоветовала. Она пришла к маме на праздник, принесла продукты, подарки. Мать открыла, угрюмая, постаревшая, в линялом халате... Конечно, ей было стыдно, хотя она виду не показывала. Конечно, душа у нее болела, но она была мрачная тетенька и прощения просить не умела. И дочь спокойно сказала: «Мама, скажи, пожалуйста, что все, что ты говорила, — неправда. Просто неправда. Потому что вдруг я умру, например, мало ли что в жизни бывает. Или заболею. Дети сиротами останутся. Скажи: «Все это неправда!» Мать посмотрела на дочь свирепо, потом расплакалась и стала, рыдая, говорить, что это неправда! Неправда! Вранье все это! Бес попутал, и вообще! Не было этого! Ни одного слова правды не было в этих плохих словах, а только вранье! И они обнялись с дочерью и вместе поплакали. И дочь попросила маму пожелать ей здоровья, счастья, долгих лет жизни. И мама пожелала изо всех сил. И еще бонусом

добавила, что любит. Так и сказала: «Я люблю тебя, моя девочка!» Вот и вся история про проклятие. Которое надо нейтрализовать, пока не поздно и есть возможность обнять человека. И услышать от него: «Я тебя люблю!» И самому сказать: «Я люблю тебя!» А все плохое — неправда. И надо поспешить, чтобы не стало правдой...

Ссора — это пустяки,

в сущности. Мало ли что бывает. Даже если кричали и обзывали друг друга — это плохо, но не смертельно для отношений. Даже если дверью хлопнул кто-то и ушел навеки. Скорее всего, остынет и придет. Даже если угрожали друг другу, скажем, или кулаком грозили: «Я тебе покажу!»... Потом можно помириться и все забыть. И даже извлечь урок на будущее и больше так не делать. Самое плохое — это взять и всем рассказать. Написать на странице все плохое, что знаете о человеке. Все его проступки описать в ужасных тонах. И общим друзьям рассказать, и знакомым, и родственникам — и все сдобрить черным соусом злости и мести, которые кипят в душе. Я понимаю, это сгоряча. И обида, раздражение, гнев ищут выхода. И все посочувствуют, и советы дадут. И тоже очень много дурного расскажут о человеке. Вот и все. Вот теперь вы враги. Теперь нельзя помириться. Можно кое-как восстановить отношения, как-то общаться и даже попробовать начать все сначала... Но ничего не выйдет. Теперь и другие люди замешаны. И человек будет опасаться и не доверять. И непременно потом уйдет из отношений, но уже тихо. Соберет свои пожитки и уйдет. Или постепенно перестанет общаться вовсе. И если это дорогой человек — плохо будет без него. И горькое сожаление останется — не о ссоре. А вот об этом «рассказывании» другим людям, которые все запомнят и будут обсуждать. И говорить, что вы все правильно сделали! А плакать придется в одиночестве... Не надо так делать. Гнев пройдет, а рассказ останется. Мосты сжигать не следует все же. Строить их потом придется всю жизнь.

Судьба дает шансы —

так говорят. Расхожее выражение. И примеров много, вот один, очень простой. Один мужчина разводился с женой; так уж вышло. И они уже жили отдельно, но что-то мешало окончательно поставить точку, вернее, штамп в паспорт. Хотя ничего уже не связывало этих людей; слишком много обидных слов и ранящих поступков было сказано и совершено. Любовная лодка разбилась о быт... И этот мужчина по работе полетел в другой город. Посадка началась, он стоял и с раздражением слушал, как его фамилию выкрикивают; скажем, Петренко. Тезка опаздывал, вот его и искали. И нашли — это его бывшая жена была. Она тоже летела в тот город по совершенно другому делу, по другой работе. И место ей досталось рядом с бывшим мужем — ее попросила поменяться мама с ребенком. И глупо как-то лететь три часа молча, вот эти бывшие супруги и заговорили сквозь зубы. Поздоровались. А к концу полета плакали и целовались — хорошо, что ночь была, темно! И поняли, что все еще любят друг друга; и жизнь друг без друга — это унылая пустота и холод, как за бортом самолета. Они помирились, стали больше ценить друг друга; и уважать судьбу или Нечто иное, — они не очень-то верили раньше во всякую мистику. А это не мистика. Так бывает. И часто дается второй шанс. Главное — не опоздать на самолет. Успеть на посадку. И это — просто хорошая история о втором шансе.

Раньше на вокзал всех пускали.

Это было плохо: там бомжи ходили, преступники, грязно и опасно. Но это было хорошо — там можно было переночевать, если некуда идти, как одной женщине. Она ушла из дому от отчаянья. Муж ее бил и над ней издевался, хотя с виду был приличный человек и писал книгу. А на работу не спешил устраиваться: он был высокого мнения о себе. А потом еще и пить принялся. Непонятый гений. А у жены никого не было родных. И к знакомым не пойдешь ночью: она совестливая была. Приложила снег к синяку и пошла, плача, на вокзал. Он недалеко был. И на вокзале она сидела — повезло, было место. И думала: что делать-то? Хорошо, что рядом не оказалось умного советчика с попреками и нелепыми рекомендациями — она бы точно под поезд кинулась. Она так и хотела, честно говоря, сделать, но были вещи, которые ее могли спасти. Паспорт. Обручальное кольцо. Шапка нутриевая. И двоюродная тетька в Нижневартовске. Билетов тогда на поезда не достать было, такие времена; но можно было попросить проводника за деньги пустить в вагон. И раздобыть местечко. Может, тетька сжалится и пустит пожить? И можно будет устроиться там на работу: здесь сократили Лену. И оклематься, решить, что делать. И эта Лена побежала на перрон; она вспомнила про тетю в минуту отчаяния, когда объявили поезд до Нижневартовска. И в эту же минуту отчаянья вспомнила про паспорт, кольцо и шапку. И побежала — пять минут оставалось

до отправления, так сказал голос. И Лена успела добежать. Стала умолять проводника, молодого парнишку, пустить ее в вагон; показывала кольцо и шапку. Денег не было. Проводник ее пустил; не от алчности, а растерялся он. И следы побоев увидел. В общем, пустил в свое купе. Он был студент и проводником подрабатывал. И не успело сердце у него очерстветь. Хотя риск большой был! И так в разговорах о жизни они доехали до Нижневартовска. А потом поехали обратно. Потому что — что там делать, у тети полужнакомой? А в поезде хорошо и тепло. И чай с сахаром. И можно спать по очереди. И от проверяющих нетрудно спрятаться. В общем, эти люди поженились потом. И Лена работать стала в вагоне-ресторане, а Леня доучился, но остался проводником — он из детдома был и полюбил поезд. Дом на колесах. Где тепло, уютно, чай с сахаром и жена Лена. И на вокзале или в поезде мне вспоминается эта история. И в трудную минуту она вспоминается. Спасительные вещи у нас есть. И есть поезд, на котором можно уехать в новую жизнь. Не надо под него браться. Поезд — это чтобы спастись.

У нас в семье никто не плакал.

Кроме меня. Но я ведь маленькая была, вот и плакала: от жалости к кому-то. От любви. Или от маленькой обиды. Как все дети. А бабушки никогда не плакали. Ни разу ни слезинки не проронили. И не потому, что были они закалены суровой жизнью, как сейчас говорят. И войну прошли. И много пережили утрат и бедствий. Это слишком легкое объяснение. Не плакали они потому, что их мужья не давали им повода для слез. Вот что я только с годами поняла. Их мужья, которые тоже прошли геройски войну, ни разу слова грубого не сказали. Замечания не сделали. Не посмотрели недовольным взором. Вот почему эти женщины не плакали. Плачут, когда обижают близкие люди. Когда любимый и дорогой человек ранит словом и делом. Изменяет, обманывает, пьет, ругает плохими словами, кричит в раздражении — мало ли, какие у него неприятности на работе. Так вот этого ни разу не было. И плачущей я видела только одну бабушку и только один раз — когда дедушка умер. Вот тогда она плакала так горько и страшно, что до сих пор тяжело вспоминать. А второй дедушка прожил 93 года и на полгода бабушку пережил. Он постарался пережить — он не хотел, чтобы Розочка плакала. И это большое счастье — жить с человеком, который не заставит тебя плакать. А если чужие заставят, он наденет пальто и шляпу, пойдет и спросит: «На каком основании вы заставили мою жену плакать? Сейчас я вас заставлю плакать, если не извинитесь!»

Впрочем, такого не было. Бабушки имели сильный характер и сами могли за себя постоять. Потому что у них был надежный тыл — дедушки. И те, кто воевал, знают, что самое главное — иметь надежный тыл. И надо жить с человеком, который не заставит тебя плакать. А если заплачешь — утешит и поддержит; вот что самое важное в семейной жизни.

Заставить человека страдать

можно без ругани и побоев. И без материальных лишений. Можно вызвать сильные страдания и душевную боль добрым и внимательным отношением. Проявлениями любви. Словами восторга и понимания. Это сначала. И в организме другого человека начнут вырабатываться гормоны удовольствия. Ему станет хорошо. Химия такая произойдет. И при общении со значимым человеком эти гормоны начнут выбрасываться в кровь. И начнутся самые приятные ощущения. Любовь, дружба, доверие, окситоцин, дофамин и еще много всего... А потом стоит прервать отношения, просто так, без повода и причины. Или резко перестать тепло разговаривать, ласково смотреть, прикасаться... И на телефон не отвечать, сообщения игнорировать... И у брошенного человека начнется «синдром отмены» — гормоны перестанут поступать. «Ломка», проще говоря, начнется. Он станет депрессивным, плаксивым, тревожным. Он начнет копать в себе и искать причину охлаждения в своем поведении. Он будет просить прощения — ни за что. И унижаться. И гневаться. И требовать. Или плакать... И будет готов на все, чтобы отношения возобновить и получить новую порцию «химии». Вот так вот это работает. И не виноват тот, кого бросили. «Это не я прошу, это болезнь моя просит!» — это говорит тяжелый алкоголик в рассказе Чехова. Правильно говорит, потому что все тяжелые зависимости одинаковы по сути. Это мучительное состояние, понять которое может

только тот, кто в таком положении был. Или знает, как это работает. И упрекать, призывать к гордости и разрыву бесполезно, хотя умом человек согласен. Но ему очень, очень плохо. И мучитель может снова манить и давать «дозу», а потом снова уходить. Так он приобретает власть — иногда не специально. Но вот осторожнее надо с чужими чувствами. С эмоциями. С химией. Химия — опасная штука и мало от нас зависит. И иногда нужны годы, чтобы восстановить баланс и снова почувствовать радость жизни.

Как только встретите того,

кто приносит счастье и удачу, — поскорее женитесь на этой даме, если вы мужчина. Замуж выходите, если вы дама. А если это невозможно — дружите, осыпайте знаками внимания и подарками такого нужного человека. Я шучу немного, но это редкая удача — встретить того, кто приносит лично вам счастье. Юный археолог встретил сорокалетнюю разведенную не очень красивую даму. Быстро все понял и сделал предложение. Даму звали Агата Кристи; она была по тем меркам немолода и небогата. Но археологи знают толк в вещах; потрешь невзрачную вазочку — а там золото, оникс, смарагды... Агата указала потом мужу холм в окрестностях Мосула: копай здесь! А там — сокровища! Потом надоумила книгу написать — и безвестный археолог стал именитым ученым. Потом они стали богаты. А потом этот Макс живым пришел с войны, что тоже можно считать счастьем. И прожили они вместе сорок пять лет. И неважно, что Агата была на 14 лет старше, и ребенок был от первого мужа, и разведена была, — это не имеет значения, если человек для нас — сокровище. Чистое золото! Так неверная Жозефина приносила счастье Наполеону; зря он ее бросил — все пошло прахом. Надо держаться за тех, кто приносит счастье. Может, они для нас и созданы. И пока рядом такой человек — плохое оказывается преодолимым, а хорошее умножается. Не надо их обижать и бросать; может быть, в них вся наша жизнь и удача...

Желтые цветы —

они некрасивые были, дешевка, три цветочка всего, и такие листики — вроде укропа, чтобы убожество как-то сгладить. Это один курсант военного училища купил такой скудный букет на все свои деньги — у него было их мало. Мама в деревне, отец умер, трое детей. Но он купил, на 8 Марта, и поехал к девушке. Это было смешно и нелепо — девушка была из богатой и образованной семьи. В консерватории училась. Знала английский. И ей такие букеты дарили, каких на похоронах Брежнева не было даже. Похожие на венки. И поклонники были другие. И папа-профессор. Этот папа на курсанта глядел с недоумением и даже с презрением — так курсанту казалось. Но он ничего не мог с собой поделаться и все равно ходил в этот дом. Изредка, конечно. Когда давали отпуск из училища. Он случайно с девушкой познакомился на концерте, стал немножко общаться и сильно влюбился. И вот праздник наступил, он и купил цветы. И поехал — семья девушки далеко жила, они предпочитали жить за городом, Охта, по-моему. А был дикий мороз, такой тогда выдался март. Но этот курсант все равно поехал с этим своим жалким букетом. И он цветы, завернутые в газету, очень берег. К груди прижимал, под шинелью, дышал на них, снял перчатки и руками грел... Долго-долго ехал и шел по страшному морозу и грел свои цветы. Желтые цветы. Он не знал, что желтые как-то не принято дарить, да и не было других по карману... Он приехал, пришел, добрался в сту-

жу и метель. Ну, а цветы замерзли. И раньше-то убогие были, а стали — фу, какие некрасивые. Потемнели и скукожились, и укроп тоже замерз... Но он все равно протянул девушке цветы в помятой газете и сказал по-военному четко: «Поздравляю с Восьмым марта!» А сам чуть не плакал — в вазах стояли роскошные букеты. И было тепло, просторно, светло, музыка играла... И он повернулся, чтобы идти обратно, отпуск короткий был, увольнительная. И ушел во тьму и пургу, к себе в казарму. Ну а девушка потом вышла за него замуж, конечно. Ей папа-профессор сказал, что это правильный выбор. И цветы красивые. Прелесть просто. И человек красивый, который просто приехал через весь город в мороз и непогоду, привез желтые цветы и поздравил. Просто так. Потому что так положено относиться к девушке. И эти люди до сих пор живут вместе, генерал и жена генерала, генеральша. А я просто вспомнила — мне желтые цветы подарили. Иногда ничего особенного в подарке нет. Но его купили на последние деньги, грели дыханием, несли на груди через морозный город, в ветер и стужу, просто так, не имея никаких шансов. Просто так положено — дарить цветы. Сколько бы они ни стоили; дело совсем не в этом...

Играть чужими чувствами —

это преступление. Моральное преступление, не уголовное. И за него тоже есть наказание. Игра — дело такое: сегодня выиграл, завтра проигрался в пух и прах. Лермонтов любил с чувствами играть: влюбит в себя девушку, скомпрометирует ее — и холодно отстранится. Да еще гнусные сплетни разведет. Пушкин жене рассказывал о своих утехах с веселыми девицами. Не дурак ведь был, понимал, каково в который раз беременной Натали это выслушивать. Но злая тайная радость возникает, когда мучаешь любящего. Тайный садизм. Чехов вот тоже, хоть и мягкий был человек, но то приблизит влюбленную даму, то оттолкнет. Нехорошая это игра! И потом его жена Ольга Книппер тоже — то приедет к больному мужу, то уедет в театре играть. Хотя он очень скучал и плохо ему было одному — все звал ее в письмах... Лермонтова застрелили за оскорбление чужих чувств. Пушкин тоже погиб — его чувства очень оскорбили. Оказывается, у всех есть чувства! Всем больно! И любители на чувствах поиграть и потешить свое эго сами окажутся в таком положении. Один молодой человек измывался над кроткой девушкой, потом вообще сказал, что женится на другой. Сердце девушке разбил, но она не стала с собой кончать, а замуж вышла за первого встречного. Первый встречный оказался отличный парень; и стали они счастливо жить. А любитель поиграть стал локти кусать. И искать новую жертву. Но любящих не так уж много, вот что я ска-

жу. А тех, кто терпит издевательства и прощает, еще меньше. И в один прекрасный день терпение кончается. И появляется на горизонте первый встречный. Или первая встречная. И жизнь идет своим чередом. И напрасно мучитель пытается снова манипулировать — он уже не нужен. А то, что ему больно, — так до чужих чувств никому нет особо дела. Раньше надо было думать...

Свободные отношения —

это писатель Бунин привел в дом при живой жене молодую девушку. И сказал, что она будет с ними жить. Декать, это его секретарша. И жене пришлось смириться: она была немолода, денег у нее не было и пристанища тоже. Она плакала, а потом смирилась. Сказала, мол, так Богу угодно... Все смеялись и перешептывались, вопросы задавали обидные. А они так и жили втроем — высокие отношения! Представляю, каково было жене такое терпеть. Она любила мужа. Это еще обиднее, конечно. Но тут случилось вот что: Бунин расслабился, подобрел от такой приятной жизни и пригласил в гости одного маляра, который писал стихи. Бедного талантливого юношу Зурова. И жена писателя к юноше прониклась сочувствием и стала о нем заботиться. Маляру очень понравилось гостить у Бунина. Кормят хорошо, обращение деликатное. Ну, он и остался навсегда. Что возьмешь с сумасшедшего? А он оказался сумасшедшим. И гонялся за Буниным с опасной бритвой. Драться лез. И так язвительно усмехался, когда Бунин что-то рассказывал. И вырывал цветы, которые Бунин в саду сажал, чтобы наказать писателя, если он как-то не так себя вел. Так и жили вчетвером. И Бунин жене сказал, мол, знаешь, Верочка, а вдвоем лучше все-таки жить было. Хотя и немного скучно. Давай жить вдвоем! А жена ответила, что уже поздно. Нехорошо выгонять людей на улицу. Мы в ответе, Ваня, за тех, кого приручили! В итоге вот что случилось: молодая особа изменила Бу-

нину с женщиной и сбежала подальше от странного дома, по которому ходил маляр с бритвой. А маляр остался. Он влюбился в жену Бунина и ни за что уходить не хотел! И стали они жить-поживать втроем. В свободных отношениях, как и хотел знаменитый писатель. Потому что если свобода — она для всех! Все одинаково свободны. И если за вами бегают с бритвой ненормальный маляр — надо раньше было думать. Вдвоем все-таки лучше. Хотя иногда скучно, да, это бывает...

Мужчина молодой, красивый,

спортивный и успешный вот что рассказал про личную жизнь. Он рассказал, что его фотомодели окружают; сплошь красавицы, такая уж у него работа. Такой образ жизни. В сфере красоты и спорта он себе на жизнь зарабатывает, и очень хорошо зарабатывает. Но никак не может найти себе по сердцу девушку, хотя выбор есть! Все хотят с ним встречаться. А он встретится пару раз, и теряет интерес, и не знает, как девушке объяснить, что именно не так. Я спросила: «А какие девушки нравятся?» Он ответил искренне: «Такие полненькие, круглолицые, мягкие и добрые. Носик картошечкой, глазки голубые. Но можно и коричневые. Чтобы уютно и тепло было рядом. И пальчики такие пухленькие, знаете?» И мужчина был обеспокоен своим предпочтением. Он боялся другим в этом признаться. И при встрече с упитанными девушками отводил глаза в сторону. И даже не представлял, как он пойдет с такой девушкой на тусовку и вообще представит своему окружению. И галантно дарил изысканные букеты мускулистым и поджарым девушкам с сильными характерами и высокой самооценкой. И был несчастлив, потому что они ему не нравились. А он им — очень. И вокруг разыгрывались драмы и происходили разочарования. А всего-то и надо довериться себе и наплевать на мнение окружающих. И не пихать в себя устриц, если от них тошнит. А сварить сладенькой кашки, если любишь кашку. И выбирать то, что нравится, — жизнь-то наша,

и она одна. А провести свою жизнь с теми, кто ни в чем не виноват, но просто не привлекает нас, очень глупо. Все будут несчастными в итоге. Нет в любви никаких стандартов, и в счастье стандартов нет. Хотя бы в этом мы свободны — в своих предпочтениях и желаниях. И надо делать то, к чему лежит душа, — тогда все будут довольны и счастливы. Как этот мужчина, который решился подойти к соседке и пригласить ее на свидание. Хотя у нее нет кубиков на животе и других модных аксессуаров, но главное не в кубиках. Главное, чтобы человек нравился весь, целиком, типажом, чтобы он именно нам подходил...

Это короткая история.

Я приукрашивать не умею ни здесь, ни на приеме. Говорю как есть. Одна дама познакомилась в Сети с мошенником. Он ей прислал фотографию и рассказ о себе. Потом еще написал. Потом завязалась переписка, и он попросил денег. Дама была юрист. Очень умная, хотя и временно одинокая. Она все поняла, хотя мужчина ей ужасно нравился. Вот прямо с первого взгляда любовь возникла, ну, бывает же такое! Ее типаж. Вот он сидит на веранде своего дома и пьет кофе. Вот он с собакой гуляет... Ее мужчина! А просит деньги. Не хорошо. Она взяла и фотографию нашла в Сети — это, конечно, была чужая фотография. Вообще не того, кто писал. А одного Сильвио, который ни сном ни духом не ведал, что его фотографию стащили и используют. Дама написала этому Сильвио — так, мол, и так. Вашу фотографию, синьор, украли злые люди и сейчас посылают ее доверчивым женщинам. Примите меры! Сильвио ответил — дескать, благодарю, какой кошмар, в самом деле! И так дела не очень, отель на грани разорения, жена ушла, денег нет, машина в залоге, а тут еще такая неприятность. Дама ему тоже написала — не отчаивайтесь! Меня тоже муж бросил и все забрал. А что не забрал, то приставы арестовали. Но это все преодолимо, надо надеяться. Жизнь — она полосатая. Сильвио тоже написал поддерживающие слова. Мол, ничего, прорвемся! В общем, вскоре дама поехала к Сильвио и устроилась работать экскурсоводом — она

отлично знала английский. И итальянский быстро выучила при помощи Сильвио. И у них все хорошо, а мне подарили кофейничек и кошелек коричневый, потому что счастливые люди всегда дарят что-то. И приглашают в отель — вроде дела получше пошли. Все. Больше добавить нечего, никаких поучений. Просто не надо отчаиваться. И надо что-то предпринимать. И даже из плохого может получиться очень хорошее, если с умом взяться за дело.

Мопассан сказал:

женщина — как тень. Когда бежишь за ней, она бежит от тебя. И наоборот — побеги от нее, она побежит за тобой. Это не про женщин, это про всех людей. И часто наладить и улучшить отношения помогал простой способ — не лезть к человеку. Не бежать за ним. Оставить в покое на какое-то время. Дать собраться с мыслями, разобраться с чувствами, принять решение, да просто отойти после конфликта. Для успокоения и решения нужно время, и не стоит немедленно звонить, писать, приходить и требовать разговора. Немного подождать. Хотя иногда это очень, очень трудно. Сделать паузу. Именно от умения выдержать паузу зависит успех общения. Мы побаиваемся того, кто за нами гонится. И инстинктивно начинаем убегать, как в старой кинокомедии. Если один гонится — другой убегает, так природой задумано. И не стоит превращаться в преследователя. Подождать надо. Да, есть риск, что человек ушел навсегда. Иногда так бывает, но очень редко, к счастью. И преследовать в этом случае тем более смешно и бессмысленно. Чаще всего надо просто научиться немного ждать. Или даже временно пойти в другом направлении. Так что прав был Мопассан, но не только женщины так устроены. И мужчины тоже. И этот простой способ — потерпеть и сделать паузу — помог исправить многие гибнущие отношения. Через некоторое время общение снова начиналось, теперь уже по инициативе другого человека. Это очень простой способ, но он всегда работает и приносит результаты.

*Один политик совершил
баснословную глупость.*

Седина в бороду — бес в ребро. Ему уже под семьдесят было, но в гостинице он поддался на заигрывания горничной и схватил ее в объятия. И лез целоваться. И повалил на кровать. И тут горничная сказала: «Вас снимает скрытая камера!» И всю эту запись политические враги передали жене этого пожилого политика. Старого осла, извините; но он именно так и выглядел, когда стоял перед женой весь поникший. Как ослик Иа. И со всех сторон эту сцену объяснения с женой снимали телекамеры — враги постарались на славу! А жена элегантно поправила седую прядь и шляпку. И сказала: мол, это отвратительно. И, может быть, я в нашем особняке этому мерзавцу всю морду искорябаю ржавым гвоздем. Еще не решила. Но смотрите и завидуйте: ему семьдесят лет! В его возрасте некоторые в памперсах и слюнявчиках ходят. И под себя. А мой муж — энергичный красавец-мужчина с повышенной сексуальностью. Он не смог с собой совладать; у мужчин такое бывает, к сожалению. И прямо как лев бросился на эту перезрелую особу. Так и живем с этим энергичным мачо — энергия у него через край бьет, даже я устаю. И он слишком привлекательный — на него все обращают внимание, даже горничные. Так что я его прошу потом, скорее всего. И советую подумать — за кого надо голосовать. За расслабленного старикана или за этого неукротимого мачо? Так сказала жена. Все задумались

и неожиданно захлопали ей. А она взяла мужа под руку и пошла в свой особняк, выпрямив спину. Что было в особняке — история умалчивает. Но политик понял, что он правильно сорок лет назад женился. Правильно выбрал жену. Мужчина два раза в жизни должен сделать правильный выбор: выбрать жену и работу. И тогда он всего добьется. А на симпатичных девушек политик больше и не смотрел — история пошла на пользу. Он смотрел на жену с благоговением. А царапины быстро прошли; про них никто не узнал...

Про мужскую любовь

много написано. Как мужчины осыпали своих возлюбленных сокровищами, дарили им завоеванные страны, возводили на трон... Чехов считал себя не очень способным на сильное чувство. И мама с сестрой всячески препятствовали его женитьбе. Да и он не очень стремился; прохладный он был человек. Слишком умный. И болел очень сильно. Но в конце жизни тоже полюбил — выпало счастье. И женился на актрисе. Он жил отдельно от Ольги Книппер; она играла на сцене в Москве, а писателю нельзя было покидать Ялту — он чахоткой болел. И ему стали писать анонимные письма про поведение темпераментной Ольги: она-то была здорова, энергична, красива! И в итоге вообще ее доктор написал про то, что Ольга, к сожалению, упала и потеряла ребенка. Чехов был не дурак и сам доктор. И прекрасно понял, что ребенок был не от него. И ничего укоряющего Ольге не сказал и не написал. Так, все шутил мирно и ласково. И велел заботиться о здоровье. И говорил, что все понимает. И любит свою актрисульку, балбесика, собачку свою, свою душеньку милую... И умер он у Ольги на руках. И она закрылась от всех и все писала мужу письма — полгода писала. Что именно она писала — мы не знаем. А потом она вернулась на сцену, пережила революции и войны, прожила яркую жизнь — более девяноста лет. И статус «вдовы Чехова» ее спасал и поддерживал в тяжелые времена. И его любовь спасала и поддерживала; давала силы

и здоровье. И можно не дарить завоеванные страны и алмазы с рубинами. Можно просто любить и простить от любви. И это самый огромный подарок, который мужчина может сделать своей женщине. Но это редко бывает. Чаще дарят трофеи и золото. Или вообще ничего...

Доктор-ветеринар лечил животных:

собаки и кошки тоже болеют. Доктор посещал пациентов на дому и разговаривал с хозяевами — не просто лечение назначал. И он понял простую вещь: болезни животных связаны с состоянием хозяев. Одна собака просто погибала от высокой температуры; доктор от отчаяния велел вынести ее на улицу. И температура тут же спала! А дома немедленно поднялась. Хозяева переживали очень из-за родственника, который умирал от ожогов в больнице. И дома была напряженная эмоциональная атмосфера. Человек выздоровел — и выздоровела собака. А в другой семье собачки взрослые вдруг стали писаться и какаться, извините. Без причины, хотя знали правила! А у хозяина проходила опасная и важная проверка, он нервничал очень. Проверка завершилась хорошо, и собачки стали примерно себя вести. А одна бедная собачка погибла от тошноты, потому что совсем не могла есть. Хозяйка переживала страшное потрясение из-за подлости близкого человека. И испытывала ярость и боль — глубоко в душе. Но собака все чувствовала и сопереживала. Так сопереживала, что погибла, доктор не смог ее спасти, хозяйка не смогла переключиться — душевную боль так просто не прекратишь. И животные брали на себя болезни хозяев: мочекаменную болезнь, сердечную... И хозяин чувствовал себя лучше — животные лечат, это доказано. А собачка, кот или попугайчик болели. И не жаловались — животные не жалуется. Просто смотрят особым взглядом и до по-

следнего вздоха выражают любовь. Их ведь ради любви и берут в дом. Только ради любви. И они любят. И все берут на себя, делят с нами болезнь и несчастье. И причина болезни животных — так считает доктор — в состоянии хозяев. В их эмоциях и тревогах. В негативных влияниях от других людей. Он многих спас, этот добрый и умный врач, и объяснил, что домашним животным передается состояние хозяев. И они немедленно начинают спасать хозяев — ценой своей жизни. Это и есть любовь.

Своему можно дать подгорелый пирожок.

Это же свой. Чужому надо дать все хорошее, лучшее, самое вкусное — иначе что о нас подумает чужой человек? Своему можно подзатыльник отвесить — он же свой, родной. А чужому — нельзя! Это так понятно. Своего можно критиковать, требовать у него что-то и просто не платить за работу — он же свой. Потерпит, подождет, поработает — какие счета между своими? Мы же друзья. Или родственники. Или просто давно знакомы. Мы свои! Только вот именно так свои становятся чужими. И тот, кто обделяет своих, остается один. Среди совершенно чужих людей, которые утрут губы, доев пирожки, и пойдут восвояси. И, в отличие от своих, чужие не будут терпеть наш характер, ухаживать в болезни, отдавать последнее. И это нормально — они чужие люди. И у них своя жизнь и свои обязанности. Ненормально своих обижать и эксплуатировать. И давать горелые пирожки или подзатыльники. Или вообще ничего... И не надо говорить, мол, нет ни чужих, ни своих. Это все же не так. И о своих надо заботиться в первую очередь, пока они не стали чужими и не ушли туда, где к ним будут относиться более снисходительно.

Разбитая тарелка —

это всего лишь разбитая тарелка. И карать за нее побоями и оскорблениями не надо. Тарелку каждый может разбить, совершенно неумышленно, как я в садике, в четыре года. Я дежурила и разбила тарелку — белую мелкую тарелку. Выскользнула она из пальчиков, дети бывают неловкими. И взрослые тоже. И меня до вечера ругали нянька и воспитатель. И называли всякими словами — у иных воспитателей много воспитательных слов. И я тихо плакала на стульчике — меня наказали, на стульчик посадили перед группой, чтобы мне было стыдно. Хорошо, что колпак еретика не надели и табличку на грудь... А потом пришла мама за мной. И нянька ей горячо рассказала, что я разбила тарелку. Мама помогла мне одеться, и мы пошли домой. И по пути мама купила мне мороженое. А дома она взяла старинную тарелку с корабликами синими, из сервиза, с золотой каймой. И на следующий день отнесла ее в садик. И спокойно сказала, что очень надеется: эта тарелка компенсировала тот огромный ущерб, который Анечка нанесла госучреждению. Возьмите. И постарайтесь впредь не называть моего ребенка уничижительными прозвищами. Потому что вечером за ребенком пойдет папа, а вы его знаете. Не думаю, что он согласен с теми методами воспитания, которые вы применяете. Так холодно сказала мама, поправила шляпку и ушла

в своем элегантном пальто с чернобуркой. На прощанье сказав мне, что, если я еще разобью тарелку, — это пустяки. Дома достаточно фарфора. Вот и вся история. Люди иногда что-то ломают и портят не нарочно, особенно дети. Не надо их слишком ругать и корить. И взрослых не надо, если они не нарочно и сами чуть не плачут. Пусть компенсируют, конечно. Но если это наши родные — не надо их называть плохими словами и уничтожать морально. И тем более лупить по затылку. Всякое бывает. Что-то ломается, разбивается, портится — такова жизнь. И не стоит поломанная вещь чьих-то слез — особенно если это слезы близкого человека. Наплевать. Есть вещи, которые можно починить и заменить. А есть — которые нельзя... И от сервиза ничего не осталось почти. Только одна старинная тарелка с синим корабликом. И вот эта история про маму — такое остается на всю жизнь.

Как эти люди живут вместе?

И зачем? Писатель Зошенко боролся с мешанством, а его жена Верочка Кербиц-Кербицкая на его гонорары накупала безделушек, статуэток, абажуров, спальный гарнитур в стиле Людовика и пальму в углу поставила. Мещанка! И Зошенко кричал жене: «Я имею право на внимание к своему белью! Я имею право на обед! Вы мещанка!» — всякое такое. Они часто ссорились. Писатель был очень нервный, а Верочка — халатная и плохая хозяйка. И много всего им пришлось перенести, этим разным людям. В блокаду Верочка с сыном осталась в Ленинграде — ни за что не согласилась уехать. Зошенко эвакуировали в приказном порядке, хотя он подавал заявление на фронт. И он из голодной Москвы в умирающий Ленинград пересылал какие-то печенинки и горстки сахара: для семьи, для Верочки... А потом они снова встретились и стали вместе жить. И Зошенко выгнали из Союза писателей, он стал нищим и совсем больным. Не было уже ни гарнитура, ни ковров, ни пальмы. Они вместе с Верочкой вырезали стельки из пыльного фетра для артели инвалидов — тем и жили. И тоже все ссорились. И даже кричали. А потом поехали на море — жизнь снова немного наладилась. И писатель положил голову на грудь своей Верочки, как малыш, и сказал, что одну ее любил всю жизнь. Ей и жил. Она и есть — его жизнь. А потом умер. И лежал с улыбкой на губах, хотя в жизни никогда не улыбался. И непонятно со стороны, зачем люди живут вместе.

И хочется дать им совет развестись и поискать более хорошего партнера. Более отличного. Но, может быть, это все равно что посоветовать человеку убить себя. И поискать лучшую судьбу, лучшую жизнь и лучшего себя. Иногда вся жизнь человека — в его близком, вот и все. В том, кому можно положить голову на грудь и сказать: «Я люблю только тебя. Ты моя жизнь. И другой мне не надо!» — и неважно, есть гарнитур и пальма или подметки приходится вырезать. Главное — чтобы было кому голову на грудь положить...